
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 5—18
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 5—18
ББК 60.542.18
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1

ПОЖИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ: «ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ» ВОЗРАСТА И ГЕНДЕРА

И. А. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, soc28@yandex.ru

В центре внимания автора — особенности «предписанных» сценариев старения женщин в современной России. Поставлена задача продвинуться в понимании социологии старения и возможностей социальной инклюзии пожилых женщин, что интересует ученых много меньше проблем молодежи. Данная тема находится на стыке социологии личности, гендерной социологии, возрастной психологии, социальной антропологии, социальной работы и пр. Автор исходит из того, что пожилые женщины подвергаются двойной стигматизации — как женщины и как пожилые.

Анализируется, в каких направлениях меняются социальные ожидания, как формируются в настоящее время идентичность женщин. Социально-экономическим контекстом старения сегодня являются увеличение продолжительности жизни, сокращение ресурсов на обеспечение старости и неопределенность будущего.

Исключение эйджизма (возрастная дискриминация) на институциональном уровне и в общественном дискурсе предполагает кардинальную смену парадигмы старения. Это касается как субъективной идентичности, так и социальных предписаний. Вовлечение пожилых женщин в более разнообразные условия жизни требует критического переосмысления эйджизма, укорененного на институциональном уровне. В России, где не только растет доля пожилых женщин, но и велика разница в средней продолжительности жизни женщин и мужчин, проблемы, которые испытывают женщины на разных этапах жизненного цикла, обуславливают их низкий социальный статус в старости.

© Григорьева И. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 14-18-03434 «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, имея профессиональную занятость или активную общественную работу, т. е. не переходя границу «социальной старости», пользуются в основном высококвалифицированные женщины. В то же время популярная идея активного старения не столько освободила женщин от социальных стереотипов и ограничений, сколько обязала их постоянно поддерживать определенную физическую форму, чтобы выглядеть моложе. Поэтому нет оснований считать, что социальные предписания смягчаются, а положение пожилых женщин заметно улучшается.

Ключевые слова: пожилые женщины, социальные предписания, сценарии жизни, эйджизм, идентичность.

ELDERLY WOMEN: OVER THE HILL — AGE- AND GENDER-WISE

I. A. Grigorieva

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation, soc28@yandex.ru

Author focuses on the features of “prescribed” scenarios of women’ aging in modern Russia. The main goal of the article is to move forward in understanding the sociology of aging and opportunities for social inclusion of older women. This seems to be of much lesser interest for scholars than problems of youth. The topic is located at the intersection of sociology of individual/personality, gender sociology, age psychology, social anthropology, social work, etc. We proceed from the assumption that older women are subjected to double stigmatization — both as women and as the old. The article analyzes the directions social expectations are changing in, how the identity of women is being formed at the present time. Today, the socio-economic context of aging could be described as consisting of the increase in life expectancy, reduction in resources to ensure old age and uncertainty about the future.

Removal of ageism at institutional level and in public discourse means a radical change in the paradigm of aging. This applies to both subjective identity and social prescriptions. Involving older women in more diverse living conditions requires critical rethinking of ageism rooted at the institutional level. In Russia both the proportion of older women and the difference in the average life expectancy of women and men are increasing. These trends can’t but negatively influence women’s low social status in the old age.

Possibilities to realize the late age productively, to continue professional employment or active public work, i. e. not to pass the border of “social old age”, is mainly exercised by highly qualified women. At the same time, a popular idea of active aging not only freed women from social stereotypes and restrictions but obliged them to constantly maintain definite physical form in order to look younger. Therefore, there is no reason to believe that social regulations are softening and the situation of older women is improving noticeably.

Key words: elderly women, social attitudes, life courses, ageism, identity.

Введение

В настоящее время в социологии обозначились парадоксы интерпретаций старения и статуса пожилых, поскольку представления о социально-возрастных группах как базовых категориях социального порядка перегружены устойчивыми стереотипами. Кроме того, проблематика молодежи как будущего общества все еще преобладает над проблематикой пожилых. Тезис «будущее современного общества — пожилые» вызывает испуг, несмотря на быстрый рост числа пожилых не только в развитых социальных государствах, но и повсеместно, возможно, потому, что «старение» и «пожилые» слабо интегрированы в проблематику социологии. В России старение имеет отчетливо «женское лицо», поэтому в центре внимания автора именно пожилые женщины.

Отметим столкновение способов проблематизации. В сознании не только населения, но и специалистов — от медицины до социологии — обнаруживается дилемма гуманности/эффективности в отношении «людей старшего возраста». Она связана с выяснением того, что является адекватным отношением к ним и помощью. По сути, это переформулированная старая дилемма: кем являются пожилые — носителями мудрости или немощности?

Современные дискуссии о различного рода эпистемологических интервенциях и неустойчивый статус постнеклассической социологии позволяют нам рассуждать на данную тему, находящуюся на стыке социологии личности, гендерной социологии, возрастной психологии, социальной антропологии, социальной работы и пр. Наша задача — продвинуться в понимании социологии старения и возможностей социальной инклюзии пожилых женщин, что интересует ученых много меньше социологии молодежи.

Сегодня демографы и даже медики много пишут о том, что старение наступает позже и нелинейно связано с возрастом. Появились поддержанные на политическом уровне концепты «активное старение», «активное долголетие» и, в последнее время, «отсроченное старение». В ответ на ситуацию позже наступающего старения в нескольких европейских странах уже отменили верхнюю границу пенсионного возраста, предоставив людям самостоятельно решать, продолжать работу или нет за пределами трудового стажа, необходимого для получения пенсии.

В России факт более позднего наступления старения пока не осознан, а большинство населения считает благом низкий пенсионный возраст, не осознавая, что за этой границей располагается пространство дискриминации. Закономерно, что возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, продолжая работать, т. е. не переходя границу «социальной старости», пользуются в основном высококвалифицированные женщины. В то же время идея активного старения не столько освободила от стереотипов и ограничений, сколько обязала постоянно поддерживать определенную физическую форму. Подобный «контроль стареющего тела» также может рассматриваться как жесткая практика.

Таким образом, исследовательские вопросы статьи связаны с выявлением расхождений между индивидуальными сценариями, идентичностями и социальными ожиданиями по отношению к стареющим женщинам на разных уровнях.

«Предписанные» сценарии старения женщин

Изучение российской социально-политической риторики и практики в XX столетии убеждает, по мнению О. А. Хасбулатовой, в том, что «содержащиеся в партийных документах и речах государственных деятелей методологические послылы о второстепенной роли женщины в политике были достаточно успешно адаптированы к социокультурным традициям российского общества, положены в основу гендерных стереотипов советского периода и перешли в XXI век» [Хасбулатова, 2001: 21].

Тем более эти стереотипы сохранились в отношении пожилых женщин. Их роль как основных субъектов семейной помощи и заботы требует дополнительного изучения и не может считаться безусловной. В эпоху «развитого социализма» в связи с нуклеаризацией семьи и развитием детских учреждений казалось, что значение прародителей в семье, по крайней мере городской, уменьшается. Так, в довольно обстоятельной работе З. А. Янковой, посвященной советским женщинам [Янкова, 1978], о пожилых женщинах, их семейных, производственных и тем более политических ролях ничего не говорится. Точнее, женщины в этой книге как бы не имеют возраста, но изложение фокусируется вокруг проблем, характерных для женщин, совмещающих трудовые и семейные заботы, имеющих детей не старше школьного возраста. В этой же книге цитируются материалы одного из первых биографических исследований о женщинах в СССР [100 интервью... , 1975], где красной нитью проходит мысль о том, что, кем бы ни была женщина — министром или работницей, она никогда не утратит права быть матерью, хозяйкой. О том, что она еще может быть бабушкой и заботиться о детях и внуках, просто не упоминается.

Значимость контактов прямых родственников разных поколений, в основе которых лежит стремление к общению, эмоциональной поддержке и взаимопомощи, одной из первых была проанализирована группой ленинградских социологов [Ружже, Елисеева, Кадибур, 1983]. Значение мотива заботы о детях и внуках тогда же исследовал В. Д. Шапиро, по данным которого 49 % женщин и 29 % мужчин считали, что после выхода на пенсию они стали приносить семье больше пользы [Шапиро, 1980: 48].

В настоящее время значительное число пожилых женщин после достижения пенсионного возраста, т. е. «возраста нетрудоспособности», продолжают еще некоторое время работать, но обычно не дольше 60 лет. Уйдя с работы, многие женщины посвящают себя домашнему хозяйству, фактически почти полностью занимаясь его ведением в семьях детей. Однако со временем, как показала И. Л. Сизова, анализируя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2016 г., в семьях постепенно происходит выключение пожилых женщин из сферы принятия решений по семейным и домашним делам. Особенно резко сокращается их влияние в сфере занятости и образования членов семьи, а также в принятии решений о денежных расходах. В молодой возрастной группе женщина еще влияет на многие сферы семейной жизни, но с возрастом она принимает участие только в денежных расходах и повседневных покупках [Сизова, 2017].

И все же можно предположить, что самоощущение старости у российских женщин будет отодвигаться, даже вопреки ее нормативной кодификации [Петрова, 2015]. Отметим, что представления о смещении старости далеко за пенсионный возраст становятся общепринятыми в развитых странах, хотя там он выше, чем в России. Скорее кажется странным кодифицирование женщин 55 лет как старых, получающих трудовую пенсию «по старости». Кроме того, это запутывает ситуацию, требует различения пожилых и пенсионеров, создает странную ситуацию, когда пенсионеров/пенсионерок больше, чем пожилых, о чем мы не раз писали (см., напр.: [Григорьева, 2005]). Но наше государство в этом вопросе проявляет плохо мотивированную и неоправданную осторожность. Информация о необходимости повышения пенсионного возраста вбрасывается регулярно, но как это будет происходить и какой вариант повышения окажется наиболее приемлемым для населения, не обсуждается.

Однако нас интересуют не сами события, связанные с наступлением пожилого возраста, а отношение к ним женщин и представления социального окружения о том, как следует им жить. Это связано с преобладающей в социологии конструкцией индивида как статусно-ролевого набора, который усваивается и заставляет индивидов принимать требования «социального бес-сознательного» («Id»).

Это описательный и в то же время нормативный образ самости, сложившийся у других людей, «социальное Я». Конечно, сознание осуществляет отбор образов, поскольку выбранные образы (обычно созданные людьми или значимыми для человека литературными источниками) оказывают огромное влияние на его идентичность. Он должен учитывать свое «социальное Я» не только тогда, когда хочет преуспеть в социальном окружении; абсурдно отрицать тот факт, что те люди, мнение которых не представляет для него особого интереса, все же могут иметь знание о нем и тем самым его ограничивать.

Значительная часть того, что индивиды думают, чувствуют и даже представляют собой, определяется логикой культуры, к которой они принадлежат. Способность индивида дистанцироваться от коллективных единиц, таких как семья, соседство, трудовой и другие коллективы, выступает поздним результатом развития общества. Фактически этот результат проявляется в полной мере только в постсовременном обществе, но и здесь у индивида есть нормативные самообразы, с той лишь разницей, что их теперь формируют не только книги, но в большей степени СМИ.

Начнем с образа пожилой женщины, который транслируется через русские сказки, знакомые нам с детства. Это, конечно, Баба-яга или, в современном варианте, старуха Шапокляк. Такая символизация сразу задает траекторию движения: на заключительном этапе жизни женщину ждет превращение в злую и уродливую старуху. Антропологические премудрости о двойственном смысле образа Бабы-яги детям неведомы, достаточно того, что образ отталкивающий и пугающий.

В российской истории даже в среде высших классов тоже мало позитивных образцов старения. Так, А. В. Белова отмечает, что «в восприятии российских дворянок XVIII — середины XIX в. старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта (“лета”,

“век”), — нисходящая фаза жизненного цикла (“склон лет”). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенциалов и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний. Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлому. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма по отношению к многочисленным домочадцам обоего пола» [Белова, 2009: 57].

Образ женщины в современной отечественной рекламе, как подчеркивает И. Н. Тартаковская, показан в двух вариантах — либо как прилежной домохозяйки, либо как сексуально-эстетического объекта, который в силу приобретения какой-то вещи становится еще неотразимее: «Если она и предстает в роли эксперта, то чаще всего эксперта в области косметики, в лучшем случае это лекарства или корм для собак и кошек. В основном же женщина предстает в рекламе как предмет потребления, не очень в этом смысле отличный от того, что она конкретно рекламирует» [Тартаковская, 1997: 72]. Что же касается пожилых женщин, то их задача в рекламе — порекомендовать лучшее лекарство, правильный сорт растительного масла или стирального порошка. Это либо заботливые «бабушки», либо беспомощные и растерянные старушки, которых нужно переводить через улицу.

Женские и мужские образы, представляемые в телепрограммах и фильмах, в большинстве случаев стереотипизированы. Мужчины выглядят предприимчивыми, активными, деловыми; женщины привлекательны, зависимы, заботливы. В телепередачах постоянно сравнение старения и молодости: человек пожилого возраста ставится в условия конкуренции с теми, кто моложе. «Быть» и «оставаться» женщиной или мужчиной необходимо «несмотря» на возраст; таким образом, предполагается, что в результате работы, проведенной согласно предоставленным рекомендациям, должен быть достигнут не только эстетический эффект, но и нормативный идеал женственности/мужественности.

Необходимость привести стареющее тело в состояние, соответствующее идеалу сексуально привлекательного, красивого, молодого тела, и невозможность этого понимается как провал, неудача в исполнении дискурсивного предписания, правда, существенного в первую очередь для женщин. Выглядеть «моложе своего возраста», «контролировать стареющее тело» для женщины становится чем-то вроде социального обязательства, при том что никто не знает нормативов, они сугубо конвенциональны.

А. Н. Низамова соглашается с британской исследовательницей Дж. Твигг (J. Twigg), а мы — с обеими в том, что современная дискуссия об активном долголетии в отношении внешнего вида в старшем возрасте становится полем, в котором субъект призывается к постоянным переговорам между осмыслением себя, своей телесности и способами умолчания об этом при помощи выполнения предписанных действий, а также потребления средств и услуг [Низамова, 2016]. Скрывать свой возраст — вот истинная задача активного старения!

В нормативных представлениях, формируемых и транслируемых государством и СМИ, женщины в пожилом возрасте воспринимаются скорее как нагрузка на бюджет. Они требуют новых социальных расходов и предъявляют повышенные потребности в уходе и лечении, тогда как мужчины выступают общественным ресурсом. Такое представление не возникло одномоментно, оно укоренено в профессиональных и материальных проблемах общества, в котором ценилось только участие в общественном производстве, а люди считались трудовым ресурсом. Сколько же стоит упомянутое ведение хозяйства, уход за внуками и разные другие формы заботы, у нас как-то не принято считать. Обслуживание внуков и детей считается наилучшим уделом «бабушек», поскольку «безвнучатая старость» — несчастье.

Можно сделать вывод, что в гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола и возраста: женщина — товар, мужчина — покупатель, молодые женщины имеют право на выбор, а пожилые должны следовать традициям общества. Так, отмечают М. Э. Елютина и О. А. Трофимова, на «брачном рынке» мужчина — кормилец, хозяин, обеспечивает достаток, женщина платит за достаток своей молодостью (Елютина, Трофимова, 2017). Обратная ситуация, когда в семье или партнерстве женщина платит социальным статусом и достатком, а мужчина — своей молодостью, в России пока встречается крайне редко.

Идентичность и идентичности

Социальную идентичность можно представить двояко: как результат определенного жизненного пути конкретного человека и как то в индивиде, что обусловлено социокультурным контекстом.

Исследователи идентичности обращают особое внимание на трансформацию практик идентификации, связанную с ценностным плюрализмом, процессом глобализации, формированием общества знания и другими происходящими сегодня процессами. С разных точек зрения эта проблематика осмысливается П. Бурдье, который поднимает вопрос о социальных механизмах приписывания значений тем или иным идентичностям (Бурдье, 2007), Э. Гидденсом, определяющим современные черты идентичности активной личности в эпоху глобализации (Гидденс, 2004). Ю. Хабермас описал формирование «клиента социального государства» под натиском «системного мира» (Хабермас, 1993); З. Бауман — идентичность человека эпохи индивидуализированного и пребывающего в состоянии неопределенности общества (Бауман, 2002).

В современных теориях личность нестабильна, противоречива, постоянно находится в процессе становления, а ее идентичность — это нечто фрагментированное и постоянно меняющееся. Однако те же феминистские социологи, перечисляя многомерные структуры идентичности современной личности и политическую релевантность этих идентичностей, указывают, что минимальный набор различий, которые должны быть признаваемы, — класс, религия и пол, но почему-то забывают про возраст, который и политически, и биографически очень важен.

Концепт «общество для всех возрастов» как антитеза «кризису или угрозе старения» сталкивается с проблемой его рационализации как в российской социологии, так и в российской действительности. Подчеркнем, что общество, в котором нет эйджизма (возрастная дискриминация), — это существенно больше, чем активное и благополучное долголетие, о котором уже немало написано [Мадридский план, 2002; Рогозин, 2012; Шмерлина, 2016; Низамова, 2016]. Но это и общество, в котором у старости, равно как и у других возрастных периодов, в попытке борьбы с возрастным неравенством отнят собственный, специфический смысл.

Требование быть продуктивным и молодежавым (если не молодым) отнимает у такого этапа жизни, как старение, его собственный смысл и ценность. Дряхлость тем самым отрицается как случайный дефект, непреднамеренное последствие. А вот для мудрости никак не наступает время... Продуктивный, т. е. направленный вовне, социально полезный, пожилой человек когда-то должен уступить место старику, направленному на осознание смысла собственной жизни. В христианстве считается, что умереть нераскаянным — грех. Сегодня труд раскаяния заменен трудом поисков смысла прожитой жизни. Но если человек не думал об этом в течение жизни, то в старости его может ждать одиночество и разочарование.

Для понимания эйджизма мы используем аналогию с феминизмом. Рассматривая различные направления феминизма (иногда на Западе говорят даже о феминизмах) в поисках подобных аналогий, можно в самом общем виде сказать, что ключевой темой является дилемма сходства или различий женщин и мужчин, в аспекте эйджизма соответственно молодых и пожилых. Как пишет Э. Айзенштейн, «тема “различий” стала интегральной для современной феминистской мысли, по крайней мере со времени публикации «Второго пола» Симоны де Бовуар и в особенности — со времени возрождения женского движения в 1960-е годы» (цит. по: [Воронина, 2004: 7]).

Отмечено, что феминистские школы «...структурировались вокруг темы равенства, сходства и различий» [там же: 8]. Обойти вопрос о сходстве и различиях женщин и мужчин невозможно, потому что вся традиционная культура основана на принципе противоположности и иерархичности мужского и женского начал. Отсюда вытекает идеология не только дифференциации, но стратификации статусов мужчин и женщин в обществе. Именно как результат поиска ответов на вопросы, социально тождественны женщины и мужчины или они различны, в чем именно заключаются различия между женщинами и мужчинами, каковы их причины и последствия, и выросла феминистская теория.

Требовалось осознать наличие дискриминации женщин в обществе и убежденность в том, что вторичность социального статуса женщин не детерминирована биологическими различиями полов. Собственно, задачей и была ликвидация дискриминации там, где основанием для нее выступает биологический пол (например, на рынке труда, где репродуктивная роль женщин часто является основанием для профессиональной дискриминации). Хронологический возраст пока воспринимается как безусловно дифференцирующая характеристика индивида, подобно биологическому полу. Но возраст, интерпретируемый как независимая доминанта, становится, по мнению М. Эпштейна, «вопросом перформанса,

принятой возрастной стилизации» [Эпштейн, 2006]. Возможно, скоро изучение «возрастного дисплея» станет столь же популярным, как совсем недавно «гендерного дисплея».

Предлагаем, например, следующее определение: *возраст* — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о младших и старших / молодых и пожилых как базовых категориях социального порядка. Естественно, получается, что возраст или возрастная самопрезентация зависит от социального и исторического контекста, а идентичность — перформативна.

Возраст в таком определении также перестает быть аскриптивным, а возрастные отношения могут рассматриваться как социально организованные отношения власти и неравенства. В рамках марксистского подхода неравенство в производственных отношениях можно трактовать как преимущество опытных и квалифицированных «старых» работников перед молодыми, наставников перед учениками. В гендерных же отношениях — молодых женщин над пожилыми, причем почти везде и во всем.

В современном производстве, когда оборотный капитал опыта обесценивается и отступает перед постоянно обновляющимся знанием, молодежь занимает лидирующие места, а пожилые отстают, особенно когда речь идет об ИКТ и разнообразных гаджетах — символах информационной продвинутости. Мы также видим смещение ролевого репертуара в сторону расширения временного пространства молодежных ролей студента, молодожена, молодой матери, которой сегодня многие становятся довольно поздно. Молодежные роли дают определенные выгоды, связанные с меньшей социальной ответственностью, свободой от обязательств, возможностью распоряжаться своим временем и использовать его для досуга, что в современном обществе рассматривается как индивидуализированное владение важным капиталом или невоспроизводимым социальным ресурсом.

Наличие подобных индивидуальных ресурсов дает широкие возможности для включения в общество потребления, где время ценится не за возможность больше работать, а за возможность потреблять разнообразные удовольствия. Вместо следования культурно-ролевому стандарту, который совсем недавно предписывал пожилым сужение и снижение потребностей (десоциализация), новое поколение пожилых конструирует себя как активных потребителей, «которые этого достойны». Появились первые публикации, где речь идет об «эгоистичном поколении» [Хиггс, Джиллеард, 2014], которое к тому же ничуть этого не стыдится. Но не стыдится именно потому, что не хочет уступать в стиле потребления молодым, которых современное общество «поднимает». Таким образом, «возраст мудрости» отменяется, уступая время интенсивному потреблению, в первую очередь впечатлений. Конечно, данная ситуация возможна для жителей больших городов, что же касается глубинки, то она приобщается к экономике потребления только через телевизор [Григорьева, 2011].

В современном российском обществе также, по худшим западным образцам, быстро развился культ потребления и удовольствий, превознесение молодости и красоты. Быть может, этому способствовал длительный период геронтократии Брежнева — Андропова — Черненко. Тогда общество ждало перемен

(«Мы ждем перемен» — цитата из песни В. Цоя, использованной в фильме С. Соловьева «Асса»). Но как только перемены начались, возникло ощущение, что они идут слишком быстро или «не туда», и стабильность снова стала востребованной. Подтверждается давно высказанное мнение Й. Хейзинги, что современное общество свое поведение приспособливает к ребяческому: игровые модели поведения, демонстрация силы (парады, марши), культ телесности. Переоценка ценностей приводит к выдвиганию молодости как лучшего из возрастов, как мерила человеческого в человеке. Подобная тенденция отмечена в моде: если раньше девочки подражали мамам, взрослым, то теперь мамы стараются одеваться, как дочки. Мы не хотим быть пожилыми, тем более старыми...

Такие «поколенческие сбои» (по аналогии с *gender trouble*) провоцируют утверждения, что нагрузка (*burden*) пожилыми слишком тяжела для следующих, не столь многочисленных, поколений. Это переводит стрелки с исследовательского интереса на актуальную политическую повестку, звучащую очень просто: «пожилых слишком много». Главная мера по снижению нагрузки, уже применяемая в США и Западной Европе, — политическое решение о том, что пенсионный возраст, а следовательно, старость начинаются теперь с 67 лет, в будущем же, может быть, и с 70. Таким образом, не антропология, физиология, медицина и другие науки, а государство в прямой и явной форме выступает в качестве «делателя возраста» (*doing age*). Инкорпорированные в отношения возраста отношения власти предписывают западным пожилым стареть медленнее и ограничивать потребление досуга, пытаются реанимировать веберийский подход к ценности труда.

Похоже, чиновники опередили в этом случае экспертов! Противоречивость названных тенденций и оценок требует развития политики возраста или политики старения вместо традиционных пенсионной политики или политики социального обслуживания пожилых. Словосочетание «политика возраста» актуализирует те же ассоциации, что когда-то «политика пола» (*sexual politics*).

Существенно, что за прошедшие годы социологи-феминистки сумели доказать, что пол и гендер — разные категории, и тем самым вывели множество проблем женщин из-под диктата биологической обусловленности, показав, как много значит идентичность. Оказалось, что специфика здоровья, проблемы образования, уровень занятости и положение на рынке труда, социальные роли и статус — все это связано с социально-экономическим неравенством больше, чем с биологическими особенностями женщин. Осознается, что «пересечение таких категорий, как возраст и гендер, не просто удваивает влияние дискриминации, но трансформирует ее особым образом в зависимости от расы, сексуальности и класса» [Calasanti, King, 2015: 195].

Впрочем, эти вопросы остаются дискуссионными и по сей день, поскольку затрагивают основы социально-экономического доминирования мужчин, а сегодня никто не спорит с тем, что в социогуманитарных науках, да и в естественных, как показал еще М. Полани, велика вовлеченность автора (чаще мужчина) в отстаивание определенной позиции [Полани, 1985: 112]. Кроме того, гендерная социология надолго сфокусировалась на проблемах молодых женщин, сексуальности, беременности, родах, совмещении семейных и трудовых обязанностей (двойная занятость), особенности же ситуации пожилых женщин вообще не видела.

На индивидуальном уровне характер разворачивания биографии человека также изменился. В настоящее время в стабильном течении жизни возникают разрывы, разрастается пространство неопределенности в трудовых, брачных, семейных сценариях. Представление о линейности жизни уходит в прошлое. Мемориализация нашего советского прошлого в индивидуальных биографиях столь же противоречива, как и официальные версии прошлого, которое оказалось «непредсказуемым», не соответствующим воспоминаниям очевидцев. Сегодня осознается, что не только «история — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет» [Хальбвакс, 2005: 9], но и биография каждого может рассматриваться в разной оптике. Эти изменения драматически воспринимаются пожилыми людьми, которым кажется, что их социальный опыт и, более того, жизнь обесценились. При этом способности пожилых к социальной адаптации зачастую снижены, а ощущение конечности жизни обострено. Особенно это касается пожилых женщин, тем более — российских, так как российское общество весьма архаично и рано списывает их со счетов, т. е. исключает из трудовой и общественной активности, позиционируя обслуживание внуков и детей как наилучший удел «бабушек».

Заключение

Мы предполагаем, что возрастные кризисы идентичности способствуют развитию индивидов и институтов. Но как направлять такие кризисы в русло адекватного осмысления новых возможностей, которые открывает женщинам старение, вместо сожалений об утраченной молодости, навязываемых СМИ?! Ясно, что и медицина, и социальная работа мало на это ориентированы, застряли в опекающем, фактически эйджистском, отношении к пожилым.

Социальный статус пожилых, и особенно пожилых женщин, в современном обществе неоднозначен, да и сами они зачастую охотно позиционируют себя как свободных от социальных обязательств, что говорит, на наш взгляд, о пассивности и согласии с социальными рамками. З. Х. Саралиева с соавтором показывают, как воспроизводятся в социализации гендерные стереотипы, но также — как девочки-подростки учатся им противостоять [Саралиева, Щекотуров, 2015].

Современная социальная ситуация предъявляет к женщинам в любом возрасте высокие требования и дает очень большие возможности. Мудрость в этой ситуации характеризуется реалистичной оценкой того, чего человек достиг и еще может достичь в межличностных взаимодействиях, гармонии с другими людьми и с самим собой.

Важно, чтобы СМИ перестали эксплуатировать образ несчастной, больной и бедной пожилой женщины, поскольку он деформирует восприятие и делает эйджизм, скрытый маской заботы, привычным. Институциональные рамки в любом обществе задают коридор возможностей для индивидов, однако в современном обществе в этом коридоре гораздо больше пространства для самостоятельного выбора, возможности контролировать собственную жизнь и обновлять ее сценарии.

Библиографический список

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. 416 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Белова А. В.* «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII — середина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (дата обращения: 03.04.2017).
- Бурдые П.* О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: УРСС, 2004. 320 с.
- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Григорьева И. А.* Политика рационализации социальных обязательств в отношении пожилых // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 4. С. 431—450.
- Григорьева И. А.* Развитие социальной работы в российском обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 287—297.
- Елютина М., Трофимова О.* Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 1. С. 37—50.
- Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. 2002. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_prog.pdf (дата обращения: 02.05.2017).
- Низамова А. Н.* Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 569—585.
- Петрова Т.* Старость начинается позже: чем отличается жизнь после 50 от всей предыдущей жизни // Российская газета. 2015. 19 февраля.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической науке. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Рогозин Д. М.* Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62—93.
- Ружжее В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С.* Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983. 160 с.
- Саралиева З. Х., Щекотуров А. В.* «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 45—58.
- Сизова И. Л.* Work first: занятость и незанятость пожилых в современной России // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2017. С. 692—696.
- 100 интервью с советскими женщинами. М.: Мол. гвардия, 1975. 352 с.
- Тартаковская И. Н.* Социология пола и семьи. Самара: Междунар. ин-т «Открытое общество», 1997. 131 с.
- Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123—150.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. С. 8—27.
- Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.

- Хиггс П., Джиллеард Д. Эгоистичное поколение: исследование концепции // Социология власти. 2014. № 3. С. 10—30.
- Шапиро В. Д. Человек на пенсии: (социальные проблемы и образ жизни). М.: Мысль, 1980. 208 с.
- Шмерлина И. А. Молодость FOREVER, или Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Ин-т социологии РАН; отв. ред. Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 156—182.
- Эпштейн М. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов: философский комментарий // Звезда. 2006. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (дата обращения: 02.05.2017).
- Янкова З. А. Советская женщина. М.: Политиздат, 1978. 184 с.
- Calasanti T., King N. Intersectionality and age // *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology* / ed. by J. Twigg, W. Martin. New York: Routledge, 2015. P. 193—200.

References

- Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities: Reflections on the origins and spread of nationalism], Moscow: Kuchkovo pole.
- Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Moscow: Logos.
- Belova, A.V. (2009) «Snova prinimaesh' vid starukhi»: vospriiatie starosti russkimi dvoriankami (XVIII — sredina XIX v.) [“Again take the form of an old woman”: the perception of old age by Russian noblewomen (XVIII — the middle of the XIX century)], *Novyi istoricheski vestnik*, no. 21, available from http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (accessed 02.05.2017).
- Burd'e, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Burd'e, P. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva*, St. Petersburg: Aleteiia, pp. 87—96.
- Calasanti, T., King, N. (2015) Intersectionality and age, in: Twigg, J., Martin, W. (eds), *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, New York: Routledge, pp. 193—200.
- Eliutina, M., Trofimova, O. (2017) Odinkoe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Lonely living and experiencing loneliness in later life], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 15, no. 1, pp. 37—50.
- Ėpshteĭn, M. (2006) K filosofii vozrasta. Fraktal'nost' zhizni i periodicheskaia tablitsa vozrastov: Filosofskii kommentarii [To the philosophy of age. Fractality of life and the periodic table of the ages: Philosophical commentary], *Zvezda*, no. 4, available from <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (accessed 02.05.2017).
- Giddens, Ė. (2004) *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], St. Petersburg: Piter.
- Grigor'eva, I. A. (2005) Politika ratsionalizatsii sotsial'nykh obiazatel'stv v otnoshenii pozhi lykh [Policy of rationalization of social obligations towards the elderly], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, no. 4, pp. 431—450.
- Grigor'eva, I. A. (2011) Razvitie sotsial'noi raboty v rossiiskom obshchestve potrebleniia [The development of social work in the Russian consumer society], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 5, pp. 287—297.
- Hal'bvaks, M. (2005) Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Collective and historical memory], *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 2—3, pp. 8—27.
- Iankova, Z. A. (1978) *Sovetskaia zhenshchina* [Soviet woman], Moscow: Politizdat.

- Khabermas, Ju. (1993) Otnosheniia mezhdou sistemoi i zhiznennym mirom v usloviakh pozdnego kapitalizma [Relations between the system and the life world under the conditions of late capitalism], *THESIS*, no. 2, pp. 123—150.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khiggs, P., Dzhilleard, D. (2014) Egoistichnoe pokolenie: issledovanie kontseptsii [Selfish generation: study of the concept], *Sotsiologiya vlasti*, no. 3, pp. 10—30.
- Nizamova, A. N. (2016) Aktivnoe dolgoletie i vneshnii vid: kak teoreticheskaia kontseptsiaia reguliruet samovospriatie v starshem vozraste? [Active longevity and appearance: how does the theoretical concept regulate self-perception at an older age?], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 14, no. 4, pp. 569—585.
- Polani, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoĭ nauke* [Personal knowledge. On the way to postcritical science], Moscow: Progress.
- Rogozin, D. M. (2012) Liberalizatsiia starenii, ili Trud, znaniia i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalization of aging, or Labor, knowledge and health in older age], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 62—93.
- Ruzhze, V. L., Eliseeva, I. I., Kadibur, T. S. (1983) *Struktura i funktsii semeinykh grupp* [Structure and functions of family groups], Moscow: Finansy i statistika.
- Saraliev, Z. Kh., Shchekoturov, A. V. (2015) "Ja ne khochu byt' takoi devochkoĭ, chtoby posudu vseгда myt'" ["I do not want to be a girl who always washes dishes"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 45—58.
- Shapiro, V. D. (1980) *Chelovek na pensii: (Sotsial'nye problemy i obraz zhizni)* [The person on pension: (Social problems and a way of life)], Moscow: Mysl'.
- Shmerlina, I. A. (2016) Molodost' FOREVER, ili Osobennosti vozrastnoi samoidentifikatsii v starshem vozraste [Youth FOREVER, or Features of age self-identification in older age], in: Rogozin, D. M., Ipatova, A. A. (eds), *Starikam tut mesto: Sotsial'noe osmyslenie starenii*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 156—182.
- Sizova, I. L. (2017) Work first: zaniatost' i nezaniatost' pozhylykh v sovremennoi Rossii [Work first: employment and unemployment of the elderly in modern Russia], in: Saraliev, Z. Kh. (ed.), *Transformatsiia chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletii*, Nizhniĭ Novgorod: Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, pp. 692—696.
- 100 interv'iu s sovetskimi zhenshchinami* (1975) [100 interviews with Soviet women], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Tartakovskaia, I. N. (1997) *Sotsiologiya pola i sem'i* [Sociology of sex and family], Samara: Mezhdunarodnyiĭ institut "Otkrytoe obshchestvo".
- Voronina, O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality], Moscow: URSS.

Статья поступила 12.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Григорьева Ирина Андреевна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, soc28@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).